

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Серия статей, в которых синтагматическая теория подверглась серьезному рассмотрению и конструктивной критике (ср., например, M. Samara Jr., *A teoria sintagmatica de Mikus*, «Revista brasileira de filologia», Rio de Janeiro, 1956, стр. 245—259; R. L. Wagner, [рец. на кн.:] R. F. Mikus, *A propos de la syntagmatique du professeur A. Belic*, «Journal de psychologie normale et pathologique», vol. XLVII, 1954, стр. 542—544 и т. д.), недавно пополнилась статьёй Е. А. Седельникова (ВЯ, 1958, № 4), которой посвящается это письмо. Мне хотелось бы обратить внимание на следующие моменты.

1. Совершенно справедливо, что моя статья в «Вопросах языкознания» представляет собой лишь совокупность общих тезисов, в связи с чем в ней, естественно, дается весьма неполная характеристика синтагматической теории. Цель этой статьи — привлечь внимание ученых (особенно советских) к указанной теории и в рамках проводимой «Вопросами языкознания» дискуссии о структурализме открыть обсуждение синтагматической теории. В этом смысле моя статья, возможно, и удачна. Более того, несмотря на краткость статьи, заключенный в ней материал дал возможность Седельникову применить мою теорию к лингвистической практике. Отметим между прочим, что синтагматическая теория оказалась полезной не только для изучения русского языка, но также и других языков, например вьетнамского (см. мою статью об агглютинативных языках, которая должна появиться в журнале «Word»), языка сосо (сенегальский язык, насколько я выяснил из моей переписки с Уи из Дакара), латинского, сербскохорватского, французского, английского и туземного американского языка пэют, к которому я, весьма фрагментарно, в меру своих возможностей, применил синтагматический структурализм (см. мои работы). Что касается самой теории, то до сих пор она была наиболее полно изложена в «Principi sintagmaticke — rasprava o strukturalno-sintagmatskom jedinstvu govora», которые напечатаны ротапринтом на сербскохорватском языке (Загреб, 1958, докторская диссертация). Один экземпляр этой работы был послан в редакцию «Вопросов языкознания». Седельников, очевидно, не имел возможности ознакомиться с этим экземпляром.

2. Совершенно справедливо, что в моей статье в «Вопросах языкознания», а также в моих «Principi» я особо подчеркиваю морфо-структуральную сторону вопроса. Седельников (и другие) вполне естественно задает вопрос о том, в чем заключаются семиологические основы моих взглядов. «Principi» имеют подзаголовок — «О структурально-синтагматическом единстве речи». Следовательно, прежде всего я хочу сказать, что человеческий язык состоит в принципе лишь из одной типической структуры — синтагмы; важным для меня было констатировать наличие этой структуры в каком угодно знаке, независимо от его ценности. Уже Э. Сепир обнаружил (см. Е. Sapir, *Le langage*, Paris, 1953, стр. 58 и сл.), что *unthinkingly* и *reformers* имеют почти параллельную структуру (но весьма разные функции и ценности). Синтагматическая теория лишь подтверждает это положение, ибо в указанных примерах представители этой теории усматривают две сложные синтагмы, состоящие из меньших синтагм, связанных по теореме сцепления:

$S_1 = think\text{-}/-ing$	$S_1 = form\text{-}/-er$
$S_2 = un\text{-}/-thinking$	$S_2 = re\text{-}/-former$
$S_3 = unthinking\text{-}/-ly$	$S_3 = reformer\text{-}/-s$

Таким образом, структуры этих синтагм *grosso modo* можно представить в виде формулы $\{b\cdot(A\cdot c)\cdot d\}$ ¹. Для доказательства единства клеточного строения живой материи не имеет значения, находится ли клетка в тканях руки или ноги, в костях или в коже, в растениях или животных организмах. Также и для разрешения проблемы структурного синтагматического единства языка совершенно неважно, что *он студент* и *дом отца* имеют различные семиологические и функциональные ценности, как правильно замечает Седельников. Главное заключается прежде всего в том, что эти две структуры с морфо-структуральной точки зрения идентичны (элемент отождествления — элемент дифференциации), в чем, как мне кажется, мне удалось убедить Седельникова. А это весьма важно, ибо, исходя из приведенного положения, можно будет продолжить рассуждение.

¹ $A = think, form; b = un-, re-; c = -ing, -er; d = -ly, -s.$

Упреки Седельникова относительно отсутствия семиологических соображений перекликаются с упреками Вагнера (указ. соч.), который на моих и на своих собственных примерах пытается показать, что «реальность пропускается через слишком широкие петли в синтагматической сети», и который выражает опасение, что синтагматическая теория «скрывает все особенности тех живых и изменяющихся явлений, которые называются языками». Мой ответ на эти упреки содержится в «Principi» (стр. 63):

«Если до сих пор в целях доказательства структурально-синтагматического единства языка мы избегали семиологического анализа синтагм, то сейчас наступило время заняться этим. Например, мы можем определить высказывание (*utterance*) лишь на основе его семиологической ценности, т. е. как знак, имеющий означающее и означаемое. В самом деле, лингвистический знак, его структура, его имманентный функционализм и лингвистический формализм не имеют смысла сами по себе и для себя; они приобретают смысл, если используются в социальной функции приспособления, придающей языку в целом и в отдельных его звеньях смысл и законченность. Было бы поэтому бесполезным пытаться определить знак лишь с морфо-структуральной точки зрения (как это делают представители некоторых американских школ и как мы это делали до сих пор в „Principi“) или с точки зрения общей функции приспособления (как это делают некоторые „теории языка“). Для полного определения знака в теории следует ввести понятие семиологических типов синтагмы и лингвистического знака вообще.

В самом деле, все, что мы до сих пор говорили о синтагме, представляет собой лишь ее морфологию (в смысле биологии или петрографии), а также имманентные структурные и функциональные соображения, на основе которых мы различаем морфо-структуральные типы синтагм; эти типы — мертвые схемы, пока они не оживляются семиологическими ценностями». Но я не остановился на этом. В тех же «Principi» я наметил синтагматическую иерархию, которая не только определяет синтагматические структуральные типы, специализированные синтагматические функ-

ции и автоматизированные категоральные знаки (= «части речи»), но также и семиологические типы лингвистических знаков. С другой стороны специализированные синтагматические функции (определенные схемой) и, наконец, стилистика синтагмы позволяют настолько стянуть петли сети, что из нее не сможет ускользнуть ни один лингвистический факт и что «все эти живые и изменяемые явления» (которые до сих пор считаются однородными и приравниваются друг к другу) займут подходящее им место.

Таким образом, я не впадал в ошибку, когда избегал семиологических соображений. Наоборот, я в большой мере уже ввел эти моменты, причем на совершенно новой основе; надеюсь, что такой подход окажется более плодотворным, чем прежние.

Американцы не случайно избегают говорить о «meaning». Они преследуют при этом совершенно определенную цель: в течение 20 лет они стараются разработать лингвистический структурализм, пригодный для использования при машинном переводе. Этот структурализм должен быть основан лишь на одном формальном морфо-структуральном критерии и должен обходиться по возможности без человеческого (= семиологического) критерия. Таким образом, американцы стараются разработать такую структуральную теорию, которая позволила бы пользоваться входной (*input*) и выходной (*output*) фазой работы переводной машины без вмешательства человека.

Будущее синтагматической теории и ее разработки зависит, как я уже говорил, от условий и организации работы.

П р и м е ч а н и е 1. Согласно синтагматической теории, *он студент* — высказывание, т. е. дикто-модальная синтагма (см. мои «Principi»), а *дом отца* — именная актуализирующаяся синтагма.

П р и м е ч а н и е 2. Что касается соотношения языка и мышления, то я, к сожалению, не придерживаюсь мнения, выказанного Седельниковым. Однако следует лучше говорить о том, что нас сближает, а не о том, в чем мы расходимся.

Р. Ф. Микуш

Перевел с французского

М. М. Максвский